

УДК 811.161.1'1

СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ИМЕН ПОСТУПКОВ

© Людмила Бушуева

PRESERVATION OF NATIONAL IDENTITY AND TRANSLATION OF THE NAMES OF ACTS

Liudmila Bushueva

The article focuses on the problem of cultural interactions in terms of preserving national identity in the conditions of globalization. By analyzing the concept “eccentricity” in Russian and English, we show that frame analysis helps to see how perceptions about different things, events and situations are represented. Thus, we have singled out a group of lexemes, representing the concept in the Russian and English languages, as well as the specific characteristics of its semantic elements based on Russian and English dictionaries. The article defines invariable elements of the concept: its motive, subject, act, evaluation and result. By using the data of the National Corpus of the Russian Language and the British National Corpus, we have shown how these elements are realized in the Russian and English speech and which elements are in the focus of attention. The research demonstrates that frame analysis makes it possible to reveal the differences between languages and cultures and promotes the search for correct lexical equivalents in compared languages.

Keywords: national identity, concept, invariable element, conceptualization, act, name of act.

В статье рассматривается проблема взаимодействия культур в условиях глобализации в аспекте сохранения национальной идентичности. На примере анализа концепта «чуждость» в русском и английском языках показано, каким образом фреймовый подход способствует пониманию того, как в разных языках актуализированы представления о явлениях, объектах и ситуациях. Определена группа лексем, принадлежащих к разным частям речи, репрезентирующих концепт в русском и английском языках. На основе лексикографического анализа выявлен ряд характерных признаков, которыми обладает поступок «чуждость» в представлении носителей русского и английского языков. Перечислены инвариантные элементы поступка, а именно мотив поступка, агент поступка, действие, лежащее в основе поступка, оценка и результат поступка. На примере контекстов, представленных в Национальном корпусе русского языка и Национальном Британском корпусе, показано, каким образом актуализируются данные признаки в русскоязычном и англоязычном дискурсах, какие признаки находятся в фокусе наибольшего и наименьшего внимания. Исследование показало, что фреймовый анализ позволяет выявить расхождения языков и культур, а также способствует поиску межъязыковых лексических соответствий в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: национальная идентичность, концепт, концептуализация, инвариантный признак, поступок, имя поступка.

В настоящее время особую актуальность получает проблема понимания сущности и специфики национально-культурной ментальности, которая является фундаментом культурной системы, определяя основания консолидации субъектов культуры в единую общность «мы», критерии формирования личностной идентичности [Данилевич]. Ментальность лежит в основе культурных различий, которые становятся фактором межкультурного непонимания и причиной конфликтов, определяют представления субъекта культуры о счастье и смысле жизни, о добре и зле, долге и ответственности. В результате про-

цесса глобализации, географической мобильности люди все чаще вступают во взаимодействие с представителями других лингвокультур. В этой ситуации проблема идентичности становится особенно актуальной, поскольку для бесконфликтной межкультурной коммуникации важно понимание других и себя.

Понятие «идентичность» рассматривается с разных точек зрения и становится объектом внимания социологов, политологов, психологов и лингвистов [Вежицкая], [Зализняк, Левонтина, Шмелев], [Zappettini]. В общем смысле идентичность – это осознание человеком своей принад-

лежности к какой-либо группе, позволяющее ему определить свое место в социокультурном пространстве и свободно ориентироваться в окружающем мире [Грушевицкая, Попков, Садохин, с. 53].

Национальная идентичность включает множество компонентов, таких как национальное самосознание и менталитет, национальный характер, историческая память, этнонациональные образы, национальные традиции и др. Все эти идеи приложимы к практическим вопросам преподавания языка, исследованию динамики в его системе. Необходимость изучения языков и культур в их взаимосвязи не вызывает сомнения. Ориентированное на культурологическую парадигму, переводоведение рассматривает перевод как «перекресток культур», «межкультурный трансферт». Каждый текст, являясь отражением того или иного языкового сознания, несет в себе элемент национальной идентичности [Нечаева, с. 113]. Как справедливо отмечает С. Г. Тер-Минасова, в рамках собственной культуры создается прочная иллюзия своего видения мира, образа жизни, менталитета как единственно возможного и, главное, единственно приемлемого. Только выйдя за рамки своей культуры, то есть, столкнувшись с иным мировоззрением, можно понять специфику своего общественного сознания, можно увидеть различие или конфликт культур [Тер-Минасова, с. 34]. «Узнав иностранное слово, эквивалент родного, следует быть очень осторожным с его употреблением: за словом стоит понятие, за понятием – предмет или явление реальности мира, а этот мир иной страны, иностранный, чужой, чуждый» [Там же, с. 35].

Цель данного исследования – показать, каким образом фреймовый подход может способствовать пониманию того, как в разных языках выражены знания о явлениях и объектах, каким образом в языковом сознании фиксируется восприятие поступков и как анализ системно-языковых репрезентаций знаний о поступках, то есть фреймов как структур представления знания, позволяет увидеть то, каким образом выражено языковое сознание этнокультурного социума.

Вслед за М. Минским, мы понимаем фрейм как экономный способ передачи информации, который ускоряет процесс ее обработки и отражает основные моменты близких ситуаций, принадлежащих одному классу [Минский, с. 151]. Привлекательность использования фреймового анализа для изучения языковых явлений заключается в том, что фрейм позволяет четко структурировать представление об объекте [Кибрик]. В самом общем виде фрейм представляет собой модель, состоящую из слотов – элементов ситуа-

ции, различных по объему и структуре [Аржановская, с. 47].

Согласно Ч. Филмору, фрейм – набор слов, обозначающих определенную область некоторого концептуального или акционального целого. В качестве примера у Ч. Филмора приводится ситуация торговой сделки, которая описывается множеством слов разной частеречной принадлежности: *to trade, to buy, to sell, price, money* и др. [Филлмор, с. 72–75]. Фрейм, таким образом, представляет собой сложную структуру, основанную на комбинации семантических связей. Фрейм, построенный на тематической или контекстуальной ассоциации слов, в корне отличается от лексико-грамматической группы, все члены которой объединены на основе общего семантического компонента.

Фреймовый анализ применим к ситуациям разного рода, в том числе и к ситуациям, связанным с поведенческой сферой человека, а именно с поступками и с тем, каким образом они актуализируются в разных языках.

Как показывает опыт исследования фреймов различных поступков [Бушуева, 2016], [Бушуева, 2017], выделяется некий инвариантный фрейм, который можно представить в виде совокупности следующих элементов: мотив / цель поступка; действие, лежащее в его основе; агент, объект поступка; его оценка и результат. Имена поступков по-разному репрезентируют данную фреймовую модель, так как, говоря о поступках, люди далеко не всегда разграничивают указанные выше стороны, элементы поступков. Важно, что такой ракурс дает инструментарий при необходимости соотносить языковые факты об изучаемом объекте в разных языках, например, в русском и английском.

Приведем пример построения фрейма поступка «чужачество». Первым этапом построения фрейма является выделение лексем-репрезентантов в двух языках. Уже на этом этапе становятся очевидными определенные семантические различия между лексемами-эквивалентами русского имени поступка *чужачество*. Лексикографический анализ позволяет увидеть разницу между существительными *oddity, freakishness, eccentricity, quirk* и др., хотя все перечисленные лексемы получают толкование через лексемы *different, strange, unusual, surprising, unexpected* и *difficult to explain or understand*. Важно подобрать и разграничить те лексемы, которые описывают в языке чужачество как поступок и как свойство человека, а также те единицы, которые описывают поступки, а не привычки и особенности характера. Это позволить наполнить слоты фрейма.

В общем виде и в русском, и в английском языках фрейм «чуждость» включает 3 слота: 1) агенты поступка и их свойства (в русском языке – *чужак, чужачка, чужачество* и др.; в английском – *eccentric, eccentricity*); 2) действия, осуществляемые агентами (в русском языке – *чужачество, чуждить, начуждить*; в английском – *eccentricity*); 3) оценка поступков, агентов, событий (в русском языке – *чужацкий, чужаковатый* и др.; в английском – *eccentric, eccentrically*). Лексемой-репрезентантом фрейма в русском языке является существительное *чужачество*, в английском – *eccentricity*.

Словарные дефиниции единиц позволяют выделить характеристики поступка «чуждость» и увидеть различия в том, что находится в фокусе внимания русских и англичан применительно к ситуации данного поступка. Например, в словарях русского языка фокус внимания в большей степени сосредоточен на оценке чуждости: «чуждость – то, что **необычно, странно**» [Кузнецов, с. 1485]; «чужак – человек с необъяснимыми странностями, поступки, мысли, слова которого вызывают всеобщее удивление, **страшат своей необычностью, пугают и вводят в недоумение**» [Словарь русской ментальности, с. 496]. В английских дефинициях нет указания на то, что такое поведение вызывает страх и соответственно подлежит порицанию. У англичан такое поведение представляется забавным: «eccentric – strange or unusual, sometimes **in an amusing way**» [Cambridge Dictionary of English].

Следующим этапом построения когнитивной карты является исследование того, какие аспекты общего логико-когнитивного фрейма конкретизируются в речевой репрезентации поступка «чуждость» и соответственно находятся в большем или меньшем фокусе внимания (мотив / цель / интенция – действие – агент – объект – результат / последствия – отношение). Данный этап исследования проводится на корпусном материале: на материале текстов Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [НКРЯ] и текстов British National Corpus (далее – BNC) [BNC].

Проведенный дискурсивный анализ позволяет сделать определенные выводы относительно категоризации поступка «чуждость» в двух лингвокультурах. И для русских, и для представителей англоязычного сообщества в чуждости на первый план выходит действие, которое можно охарактеризовать как нетипичное для определенной ситуации и поэтому вызывающее недоумение. Например:

Он протиснулся и увидел художника над мольбертом. Зыбин этого **чужака** не знал. Месяц тому назад он **подал объяснение в милицию (нажаловались соседи) и подписался так**: «Гений 1 ранга Земли и Галактики, декоратор-исполнитель Балета им.» (Ю. Домбровский. «Факультет ненужных вещей», часть 1);

Hopkinson then joined 2nd Punjab Regiment, under a rather **eccentric** Colonel. After dinner the Colonel **gave all the officers tasks, such as playing bridge, winding up the gramophone or reading suitable books** (Daily Telegraph, 1985–1993).

Агенту поступка отводится определенная доля внимания и в русскоязычном дискурсе, и в англоязычном. Чуждость могут совершаться человеком любого возраста, пола или профессии, но очевидно, что поведение такого плана всегда делает человека непохожим на других:

В результате внезапных вспышек родительских чувств детишки росли закомплексованными и **чужаковатыми**. Особой элитой они себя не чувствовали, но **непохожесть на других** ощущали и не могли решить для себя – то ли им все дозволено, то ли ничего нельзя (А. Привалов. «Саги о детях»);

The West Country has seen some notable **eccentric** squires, such as the squire of Selworthy who took a fly-fishing rod to church so he could wake anyone nodding off during the sermon with a smart crack on the head with a lead sinker (Daily Telegraph, 1985–1993).

В отличие от англоязычного дискурса, в русскоязычном дискурсе к числу типичных агентов поступка «чуждость» следует отнести также богатого человека. В НКРЯ выделяется значительная доля примеров, выражающих данный смысл. Например: *Я имел дело с богатыми **чужаками**, которые, пресытившись здесь, на земле, пытались подняться поближе к небу* (И. Бряшов. «Путь Мури»).

Оценка применительно к «чуждости» в дискурсе может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно. Приведем пример эксплицитного способа выражения оценки: *Примечательная деталь: когда Швейцар отправлялся в Африку, даже лучшие его друзья восприняли это как **нелепое чужачество*** (М. Крушинская. «Экспедиция добрых людей») или *Это была знакомая мещанская **ненависть ко всякого рода чужачествам, отклонениям от нормы, преувеличениям*** (Ф. Искандер. «Сандро из Чегема», книга 3). Вероятно, в следующем примере отрицательная оценка выражена имплицитно: *Он всматривался в меня, как всматриваются в каких-то **чужиков**, людей странных, непонятных, загадочных и в то*

же время **вызывающих чувство жалости** (Г. Николаев. «Вещие сны тихого психа»).

Дискурсивный анализ также показал, что по признаку оценки выделяются поступки-чужачества, которые осознаются как невинные шалости, вызывающие улыбку: *Милый Козловский... можно ли не любить его очаровательные чужачества? Не счесть алмазов в этом человеке!* (Б. Филиппов. «Актеры без грима»), а также поступки-чужачества, отношение к которым резко отрицательное: *Дурил барин от нечего делать – вот и весь сказ. Тоже бары-то с жиру да с праздности и не такие чужачества выкидывают* (Н. Гейнце. «Людоедка»), что в большей степени характерно для русской лингвокультуры.

В англоязычном дискурсе большинство контекстов указывает на то, что поступок оценивается как забавный, и только незначительное количество примеров свидетельствует об отрицательной оценке: *He was really loved for his eccentricity, which was that he would never allow alcohol in any form to come into our walls* (Oh! Sister I saw the bells go down, 1985–1993); *Gerhard thought it a charming example of English eccentricity and placed the quid tenderly in the mince-stained pocket of whatever Oxfam-reject was wearing* (Death of partner, 1985–1993); *She was critical of what she called “strong-minded women”, who went in for stridency and useless eccentricity* (The Dictionary of National Biography: Missing persons, UK: South, 1985–1993).

Мотив представлен в основном в русскоязычном дискурсе и осознается как совершение поступка из-за скуки или ради того, чтобы удивить, поразить кого-либо. Например: *Почему вы, профессор, чуждите: зачем вы взрехали? – Мне скучно: хочу необычного я* (А. Белый. «Африканский дневник»). Желание выделиться, выйти за рамки скучной обыденности также встречается в числе мотивов рассматриваемых поступков:

А если говорить о шукшинских «чудиках»... Это просто выхваченные из жизни образы русских людей, выламывающихся из предписанных «сверху» норм поведения, уравнивающих по средним стандартам как деревенского, так и городского жителя. В этих чужачествах заключался протест русского человека против официальной косности, глупости, скуки того времени (А. Кожевников. «С любовью, русские люди»).

Подобные мотивы в меньшей степени характерны для английской лингвокультуры, где чужачество заключается в том, что чужак не стремится быть в центре внимания. Следующий пример является иллюстрацией типичного чужака в

представлении англичанина, человека, получающего удовольствие от того, чем он занимается, не думая о том, какое впечатление это произведет на окружающих, и о том, как его поступки будут оценены впоследствии:

Evan continued to lecture and lead students to locations in the mountains right into his eighties. I suppose you could call him something of a gear freak. His child-like enjoyment of the new equipment and gadgetry he came to be able to afford in later life gave warmly affectionate amusement to his friends especially when they found him camping in his own front garden in the latest tent and sleeping bag, or were asked to take him, when he was stone-blind from glaucoma, to the locations of his favourite plants to photograph them with an auto-focus camera. <...> If that's to be counted **eccentricity**, then Evan was an **eccentric** (Climber and Hill Walker, 1985–1993).

Объект чужачества эксплицирован в дискурсе в наименьшей степени. Очевидно, направленность на другого человека не относится к существенным характеристикам данного поступка.

Результат также представлен в дискурсе в незначительном количестве контекстов. Единичные примеры НКРЯ свидетельствуют о том, что чужачества могут приводить к профессиональным достижениям, значимым открытиям в разных сферах. Это связано с тем, что чужак – человек, отличающийся от других еще и умением принимать нестандартные решения, видеть то, что незаметно другим людям. Например:

Можно считать их **чужаками**, говорит Тейяр де Шарден, но не будем спешить. Посмотрите вокруг: **все, чего достигло человечество, придумано, открыто, создано ими.** Их мало, но они – соль земли (Г. Бельская. «Привет, Джо!»).

Чужачества могут приводить и к крайне негативным последствиям:

Безобидные варианты чужаществ вызывают смех, другие – **ведут к трагедии.** Грань между тем и другим тонка и, бывает, меняется в одном рассказе («Миль пардон, мадам!») (И. Сухих. «Душа болит»).

В англоязычном дискурсе объект и результат чужачества не получают актуализации на дискурсивном уровне.

Таким образом, подобный анализ с применением методик когнитивной лингвистики позволяет при сопоставлении языковых данных увидеть расхождения языков и культур. Различия, выявленные с помощью фреймового подхода, не видны на уровне языковой картины мира, и слова разных языков выглядят обманчиво эквива-

лентными. Все это еще раз указывает на то, что проблема межъязыковых соответствий заслуживает тонкого и всестороннего анализа. Необходимо помнить о том, что чрезвычайно трудно найти разноязычные слова, которые выражают одно и то же понятие и не отличаются друг от друга эмоционально-экспрессивной или стилевой характеристикой.

Список литературы

Аржановская А. В. Структура фрейма «растяжимость» в русском и английском языках // Историческая и социально-образовательная мысль. Том №6. Часть 2, 2014. С. 46–49

Бушуева Л. А. Фреймовый анализ фрагмента словообразовательного гнезда, семантически связанного с именем поступка *благодаяние* // Известия Саратовского университета. Вып. 1: серия Филология. Журналистика. Саратов, 2016. С.27–31

Бушуева Л. А. Особенности категоризации знаний о поступке «геройство» в русском и английском языке // Вестник Марийского государственного университета. №1 (25), 2017. С.59–64

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов (Язык. Семиотика. Культура). Монография. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 352 с.

Данилевич А. И. Национально-культурная ментальность в смысле слове в пространстве концептосферы (на материале фразеологии русского и английского языков). дис. ...канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2015. 204 с.

Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Г. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. 696 с.

Кибрик А. Е. Когнитивные исследования по курсу // Вопросы языкознания, 1994. №5. С. 126–139

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с.

Минский М. Фреймы для представления знаний. Москва: Энергия, 1979. 151 с.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 02.09.2017)

Нечаева Е. Ф. Сохранение национальной идентичности и проблема перевода // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №7 (188). Вып. 41. С. 113–116

Словарь русской ментальности / под ред. В. В. Колесова, Д. В. Колесовой, А. А. Харитоновой. Т.2. Санкт Петербург: Златоуст, 2014. 592 с.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. М: Прогресс, 1988. С. 52–92

British National Corpus [BNC] URL: <http://bnc.com> (дата обращения: 04.08.2017)

Cambridge dictionary URL: <https://dictionary.cambridge.org.ru/> (дата обращения: 29.08.2017)

Zappettini F. Transnationalism as an Index to Construct European Identities: An Analysis of “Transeuropan” Discourses // Russian Journal of Linguistics. Vol. 21. No. 2, 2017. Pp. 260–281

References

Arzhanovskaia, A. V. (2014). *Struktura freima “rastiazhimost” v russkom i angliiskom iazykah* [The Structure of the Frame “Rastiazhimost” in Russian and English]. *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'*. Tom 6, Chast' 2, pp. 46–49. (In Russian)

British National Corpus (BNC). URL: <http://bnc.com> (accessed: 04.08.2017). (In English)

Bushueva, L. A. (2016). *Freimovy analiz fragmenta slovoobrazovatel'nogo gnezda, semanticheski svyazanogo s imenem postupka blagodeianie* [Frame Analysis of the Fragment of the Derivational Nest Semantically Related to the Name of Act “Benefaction”]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta, Vyp. 1: serii Filologiiia. Zhurnalistika*. Pp. 27–31. (In Russian)

Bushueva, L. A. (2017). *Osobennosti kategorizatsii znanii o postupke “geroistvo” v russkom i angliiskom iazyke* [Peculiarities of Categorization of Notion “Heroism” in the Russian and English Languages]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta, No.1 (25)*, pp.59–64. (In Russian)

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org.ru/> (accessed: 29.08.2017). (In English)

Danilevich, A. I. (2015). *Natsional'no-kul'turnaia mental'nost' v smyslovom prostranstve kontseptosfery (na materiale frazeologii russkogo i angliiskogo iazykov): dis. ...kand. filol. nauk.* [National-Cultural Mentality in the Notional Field of the Conceptsphere (based on the phraseology of the Russian and English languages): Ph.D. Thesis]. St. Petersburg, 204 p. (In Russian)

Fillmor, Ch. (1988). *Freimy i semantika ponimaniia* (1988). [Frames and Semantics of Understanding]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike, Vyp. XXIII: Kognitivnye aspekty iazyka*, pp. 52–92. Moscow, Progress. (In Russian)

Grushevitskaia, T. G., Popkov, V. D., Sadokhin, A. P. (2002). *Osnovy mezhkul'turnoi kommunikatsii* [The Foundations of Intercultural Communication]. 352 p. Moscow, JuNITI-DANA. (In Russian)

Kibrik, A. E. (1994). *Kognitivnye issledovaniia po diskursu* [Cognitive Studies of Discourse]. *Voprosy iazykoznaniiia, 1994, No. 5*, pp. 126–139. (In Russian)

Kuznetsov, S. A. (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 1536 p. St. Petersburg, Norint. (In Russian)

Minskii, M. (1979). *Freimy dlia predstavleniia znanii*. [Frames for Representing Knowledge]. 151 p. Moscow, Energiia. (In Russian)

Natsional'nyi korpus russkogo iazyka (NKRJa) [The National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 02.09.2017). (In Russian)

Nechaeva, E. F. (2009). *Sokhranenie natsional'noi identichnosti i problema perevoda* [The Preservation of National Identity and the Problem of Translation]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, No. 7 (188), Вып. 41, pp. 113–116. (In Russian)

Slovar' russkoi mental'nosti / pod red. V. V. Kolesova, D. V. Kolesovoi, A. A. Kharitonova (2014). [The Dictionary of Russian Mentality]. 529 p. St. Petersburg, Zlatoust. (In Russian)

Ter-Minasova, S. G. *Iazyk i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* (2000). [Language and Intercultural Communication]. 624 p. Moscow, Slovo. (In Russian)

Vezhbickaia, A. (2001). *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo kluchevykh slov* (*Iazyk. Semiotika. Kul'tura*)

[Understanding Culture through the Key Words (Language. Semiotics. Culture)]. 288 p. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian)

Zalizniak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. G. (2012). *Konstanty i peremennye russkoi iazykovoi kartiny mira* [Constant and Invariable Elements of the Russian Language World View]. 696 p. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian)

Zappettini, F. (2017). *Transnationalism as an Index to Construct European Identities: An Analysis of "Trans-seuropean" Discourses*. *Russian Journal of Linguistics*, Vol. 21, No. 2, pp. 260–281. (In English)

The article was submitted on 01.02.2018
Поступила в редакцию 01.02.2018

Бушуева Людмила Александровна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Нижегородский Лингвистический
Университет им. Н. А. Добролюбова,
603155, Россия, Нижний Новгород,
Минина, 31 а.
sebeleva@yandex.ru

Bushueva Liudmila Aleksandrovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Linguistic University of Nizhny Novgorod
named after N. A. Dobrolyubov,
31a Minin Str.,
Nizhnii Novgorod, 603155, Russian Federation.
sebeleva@yandex.ru